

К.Е. Троицкий

О МЫСЛЕННОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ-АРГУМЕНТЕ «НЕВИННАЯ ЖЕРТВА» И АБСОЛЮТНОМ МОРАЛЬНОМ ЗАПРЕТЕ НА НАСИЛИЕ

Троицкий Константин Евгеньевич – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: konstantin.e.troitskiy@gmail.com

В статье защищается принцип ненасилия от попыток его разрушения с помощью мысленных экспериментов. В ней показано, что для многих широко используемых в этической литературе мысленных экспериментов, направленных против абсолютных моральных запретов на ложь, убийство и пытки, несмотря на важные при детальном рассмотрении отличия, базовым служит мысленный эксперимент-аргумент «невинная жертва». Он включает в себя а) описание гипотетической ситуации, в которой защита одного человека от насилия невозможна без использования насилия по отношению к другому человеку, а также б) вопрос о том, как следует поступить в этой ситуации. Применение такой схемы в качестве аргумента предполагает: перенесение метода мысленного эксперимента на область этики, принятие предпосылок мысленного эксперимента-аргумента «невинная жертва», согласие с его условиями и формулировкой и, как следствие, выбор из двух навязываемых, неизменяемых и имморальных вариантов ответа. Несмотря на крайне спорные посылки, обсуждение обычно начинается сразу с выбора между двумя вариантами ответа. Мысленный эксперимент-аргумент «невинная жертва» позволяет сделать вывод о его недостаточной методологической обоснованности, а также о противоречивости и произвольности его предпосылок и условий. Как я показываю в статье, моральная реакция на него состоит не в ответе на навязываемый вопрос, а в опровержении его предпосылок и условий, что неизбежно ведет к заключению о бессмысленности и имморализме самого вопроса.

Ключевые слова: мысленные эксперименты, мораль, этика, ненасилие, принцип ненасилия, аргумент «невинная жертва», воображаемая ситуация

Для цитирования: Троицкий К.Е. О мысленном эксперименте-аргументе «невинная жертва» и абсолютном моральном запрете на насилие // Философский журнал / Philosophy Journal. 2021. Т. 14. № 4. С. 22–37.

Введение

В этических исследованиях, посвященных проблеме насилия, часто встречаются мысленные эксперименты, которые были придуманы с целью опровергнуть или поставить под сомнение абсолютный характер моральных запретов на убийство и пытки, а также на ложь как то, что обычно сопровождает насилие. Вокруг воображаемых ситуаций, описываемых в этих экспериментах, разворачиваются бурные обсуждения, которые часто сближают академические мероприятия по философии с повседневными разговорами. Если остановиться на наиболее ярких дискуссиях в этической мысли, то можно выделить следующие примеры: 1) воображаемая ситуация¹, над которой размышляет Иммануил Кант в эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия»², 2) аргумент «невинная жертва»³, детальную критику которого предпринял Лев Николаевич Толстой⁴, 3) сценарий «тикающая бомба», последние несколько десятилетий ставший очень популярным среди исследователей этики⁵.

Эти мысленные эксперименты, несмотря на ряд существенных отличий между ними, покоятся на единой базовой схеме, где условием спасения кого-то одного, обозначаемого как «друг», «ребенок», «большое число людей», становится нарушение морального запрета на ложь, убийство или пытки в отношении кого-то другого, обозначаемого как «злодей», «разбойник», «террорист»⁶. Тем самым конструируется гипотетическая ситуация,

¹ Я буду называть мысленный эксперимент, рассматриваемый И. Кантом, «ложь во спасение», о чем, по мнению А.А. Гусейнова, и идет речь в кантовском эссе (*Гусейнов А.А. Красно поле рожью, а речь ложью // Новая Россия (Воскресенье). 1995. № 2. С. 132–135.*)

² *Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М., 1994. С. 256–262.*

³ Схема «злодей и невинная жертва», как и попытки оправдания убийств в определенных ситуациях, обсуждалась уже в первые столетия нашей эры. Так, оправдать убийства на войне стремился еще Августин, которому приписывают изобретение теории так называемой справедливой войны. При этом Августин считал неоправданным убийство во имя самозащиты. Найти философское оправдание убийству в случае самообороны попытался Фома Аквинский, изобретя для этого принцип «двойного эффекта». К сожалению, до XVIII–XIX вв. на философском уровне эти попытки не встретили достойных противников. Крупнейшей фигурой, которая поставила под философское сомнение эти конструкции, а также указала на то, что оправдание убийств разрушает основы христианства, был Лев Николаевич Толстой.

⁴ См.: *Троицкий К.Е. Лев Николаевич Толстой и непротivление злу насилием: история и критика аргумента «невинная жертва» // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2020. Вып. 1 (33). С. 30–48.*

⁵ Подробное рассмотрение сценария «тикающей бомбы» и запрета на пытки в исключительных ситуациях см.: *Farrell M. The Prohibition of Torture in Exceptional Circumstances. Cambridge, 2013.*

⁶ То, что не во всех вариантах мысленных экспериментов «ложь во спасение», «невинная жертва» или «тикающая бомба» тот, кто угрожает «другу», «ребенку», «большому числу людей», называется «злодеем» или «убийцей», не меняет кардинально суть дела. Так, «злодей» обозначается тремя способами: 1) он так и называется «злодей», «разбойник», «убийца», «террорист», «насилник» и т.п.; 2) говорится о человеке, который хочет убить или совершить (совершает) иное злодеяние. Такая формулировка – шаг в верном направлении, но недостаточный, так как тот, кто обозначается исключительно через желание убить или совершить иное злодеяние, по сути, и отождествляется со «злодеем»; 3) описывается воображаемая ситуация, где, например, мужчина истязает маленького ребенка. Такая формулировка – еще один шаг в верном направлении, но и он не достаточен, так как человек опять определяется через изолированное действие, что часто ведет к категоризации мужчины как «злодея».

при которой спасти чью-то жизнь невозможно без того, чтобы солгать, убить или применить пытки. С помощью апелляции к таким воображаемым ситуациям некоторые исследователи этики делают попытки обосновать доктрину двойного эффекта⁷, перспективу конфликта неравных обязанностей⁸, принцип «меньшего зла»⁹, понятие исключительной ситуации¹⁰ и иные теоретические построения в качестве моральной альтернативы абсолютным запретам на ложь, убийство и пытки.

Выстраиваемая во всех этих случаях схема «злодей и невинная жертва» не предполагает такого решения, которое исключало бы насилие и ложь, поэтому ненасильственный и нелживый ответ на нее возможен, только если поставить под вопрос саму эту схему и, следовательно, основанные на ней мысленные эксперименты. Выделив мысленный эксперимент-аргумент «невинная жертва»¹¹ в качестве парадигмального, я продемонстрирую, что 1) само по себе использование метода мысленного эксперимента в этике далеко не бесспорно, затем 2) что тот, кто отвечает на вопрос аргумента «невинная жертва», принимает ряд противоречивых предпосылок, на которых возводится конструкция, наконец, 3) что проблематичны, а порой и нелепы задаваемые в нем содержательные условия.

Художественная и научная литература, изобразительное искусство, песни, театральные постановки, фильмы и мультфильмы дают бесчисленное множество воображаемых конкретизаций и вариаций обозначенной базовой схемы «злодей и невинная жертва». Эта же схема часто встречается при интерпретации прошедших исторических событий, в политических заявлениях и в религиозных проповедях. Отдельно следует упомянуть пропагандистские материалы, которые во время военных конфликтов в ярких формах воспроизводят схему «злодей и невинная жертва». Эта схема, где спасение одного человека (или людей) преподносится как возможное только через насилие в отношении другого человека (или людей), столетиями задавала и, к сожалению, во многом продолжает задавать координаты мышления и поведения, составляющие то, что можно назвать «культурой насилия»¹². Эти координаты обуславливают направление разнообразных повседневных практик: от «невинных» детских игрушек и бытовых конфликтов до «мирных» международных отношений и публичных ритуалов.

⁷ См., например: Прокофьев А.В. Моральный абсолютизм и доктрина двойного эффекта в контексте споров о допустимости применения силы // Этическая мысль. Вып. 14. М., 2014. С. 43–64.

⁸ См., например: Апресян Р.Г. О праве лгать // О праве лгать. М., 2011. С. 10–24.

⁹ См., например: Прокофьев А.В. Выбор в пользу меньшего зла и проблема границ морально допустимого // Этическая мысль. Вып. 9. М., 2009. С. 122–145.

¹⁰ См., например: Артемьева О.В. Теоретические основания этики добродетели // Философия и этика. Сборник научных трудов к 70-летию академика А.А. Гусейнова. М., 2009. С. 433–445.

¹¹ Мысленный эксперимент-аргумент «невинная жертва» имеет множество модификаций, но к его ядру относится конструирование тем, кто хочет его применить, такой воображаемой ситуации, когда один человек (обозначаемый как «разбойник», «насилник», «злодей» и т.п.) угрожает или насилует беззащитного человека (обозначаемого как «ребенок», «девushка», «жертва» и т.п.). Дальше тот, кто применяет эту конструкцию, вводит условие-вопрос, заключающийся в том, был бы ли готов тот, кому предлагается представить эту ситуацию, убить «злодея» (реже речь идет о готовности ранить), если бы это был единственный способ остановить его злодеяние.

¹² См.: Muller J.M. Le Courage de la Non-violence. Gordes, 2001. P. 65–75.

О мысленных экспериментах в этике

Несмотря на то, что среди исследователей-этиков превалирует положительный ответ на вопрос об убийстве «злодея» из мысленного эксперимента «невинная жертва»¹³, у них, как и у исследователей методологии науки, отсутствует какое-либо согласие относительно того, что такое метод мысленного эксперимента и какова его роль в этике в частности и в познании в целом¹⁴. Исследователи спорят о базовых вопросах касательно этого метода, среди которых: как именно функционирует этот метод¹⁵, различаются ли требования к его применению в зависимости от научной области, возможно ли его применение в этике и если да, то какая разница между мысленным экспериментом в эмпирической науке и в философии¹⁶.

Хотя мысленные эксперименты часто встречаются в этике, те, кто к ним прибегает, редко ставят вопрос о том, обосновано ли в принципе их использование в этике. При осмыслении этических вопросов, для прояснения которых приводятся мысленные эксперименты, очень важен ответ на вопросы: какую функцию они выполняют (вне зависимости от областей знания) и какая их связь с аргументами? На это исследователями предлагается целый ряд вариантов ответа, которые исключают друг друга. Так, некоторые исследователи считают, что мысленный эксперимент идентичен аргументу¹⁷, другие доказывают, что мысленный эксперимент не сводится к аргументу, хотя является его составной частью¹⁸, третьи представляют мысленный эксперимент как отличный от любого иного способ доказывания¹⁹.

Недостаток рефлексии о методе мысленного эксперимента в этике ведет к многочисленным заблуждениям. Одна из самых частых и грубых ошибок, которая встречается в исследованиях по этике, заключается в том, что гипотетическая ситуация, описываемая в мысленном эксперименте, преподносится как *конкретный* случай, от которого возможно обобщение к *принципам* действия в определенных *типах* ситуаций. Но как продемонстрировал Шелли Каган, ситуации («кейсы»), задаваемые в мысленных экспериментах, не относятся к общим принципам как конкретные случаи,

¹³ Для того чтобы убедиться в том, что значительное большинство исследователей этики положительно отвечают на вопрос о допустимости убийства «злодея» из мысленного эксперимента «невинная жертва», достаточно сравнить огромное число публикаций, развивающих идею «справедливой войны», пытающихся вывести критерии убийства при самозащите, а также просто многочисленные работы, где есть апелляция к этому мысленному эксперименту, с редкими публикациями, где последовательно отстаивается идея ненасилия.

¹⁴ Обзор мнений о том, что такое мысленный эксперимент в философии, см.: *Brown J.R. Thought Experiments // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (2020 Edition)*. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/thought-experiment> (дата обращения: 05.09.2020).

¹⁵ См., например: *Souder L. What Are We to Think about Thought Experiments? // Argumentation*. 2003. Vol. 17. P. 203–217.

¹⁶ Обзор мнений о мысленных экспериментах в естественных науках и в философии см.: *Brown J.R. Thought Experiments // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (2020 Edition)*. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/thought-experiment> (дата обращения: 05.09.2020).

¹⁷ См., например: *Norton J.D. On Thought Experiments: Is There More to the Argument? // Philosophy of Science*. 2004. Vol. 71. No. 5. P. 1139–1151.

¹⁸ См., например: *Häggqvist S. A Model for Thought Experiments // Canadian Journal of Philosophy*. 2009. Vol. 39. No. 1. P. 55–76.

¹⁹ См., например: *Brown J.R. Why Thought Experiments Do Transcend Empiricism // Contemporary Debates in Philosophy of Science*. Malden, 2004. P. 23–43.

а уже представляют собой, хотя и при меньшей степени обобщения, чем у общих принципов, схемы, привязываемые к определенным *типам* действия²⁰. Иными словами, ситуации, описываемые в мысленных экспериментах, по уровню обобщения находятся между *общими* принципами действия и *конкретными* случаями. При этом как выведение из подобных ситуаций общих принципов действия, так и сведение их к конкретным случаям методологически проблематично.

Если говорить в целом, то среди исследователей распространено мнение, что метод мысленного эксперимента в этике заключается в своего рода тестировании той или иной этической идеи (теории, концепции, нормы, принципа, позиции), в ходе которого эта идея подтверждается, опровергается или разъясняется²¹. Что касается структуры мысленного эксперимента в этике, то он, на мой взгляд, включает в себя: 1) *схематичное* описание гипотетической ситуации, которая представляется как этически проблематичная, 2) утверждение (обычно неартикулируемое) соответствия этой схематично описанной гипотетической ситуации *конкретным жизненным событиям*, 3) вопрос об этой ситуации и/или о том, какое действие (бездействие) было бы морально требуемым в описанной ситуации, 4) нормативное суждение-ответ на поставленный вопрос. Этим самым обдуманное применение метода мысленного эксперимента в этике предполагает такой методологический подход, который предлагает решение ряда проблем, связанных с использованием мысленных экспериментов (в том числе решение вопроса о возможности конкретизации мысленного эксперимента как жизненного события и обобщение мысленного эксперимента до общего морального принципа).

Помимо общих методологических проблем мысленного экспериментирования, существуют частные проблемы, связанные с его применением в процессе познания морали. Так, для мысленных экспериментов в этической мысли не находится значительного места, если отрицается универсализуемость как необходимая характеристика моральных решений и суждений, а под этикой подразумевается не формулирование норм для типичных ситуаций, а размышление об единичности каждого поступка, каждого события и каждого человека. В таком случае убедительно звучит замечание Аласдера Макинтайра, что «где ситуация слишком сложна, фразы вроде “кто-то напоподобие меня” или “в этом типе ситуаций” становятся пустыми, так как только я являюсь человеком достаточно “подобным мне”, чтобы быть морально релевантным, а также никакая другая ситуация не будет достаточно подобной “этой ситуации” без того, чтобы не быть именно этой ситуацией»²².

Вне зависимости от ответа на вопрос, относятся ли все мысленные эксперименты к аргументам, на мой взгляд, «контрпримеры» или такой тип мысленных экспериментов, с помощью которых делается попытка опровергнуть или взять под сомнение то или иное обязательство (принцип, запрет, правило, долг и т.п.), являются аргументами²³. Именно к этому типу относятся мысленные эксперименты «ложь во спасение», «невинная жертва»

²⁰ Kagan S. Thinking about Cases // Social Philosophy and Policy. 2001. Vol. 18. No. 2. P. 44–63.

²¹ См., например: Elster J. How Outlandish Can Imaginary Cases Be? // Journal of Applied Philosophy. 2011. Vol. 28. No. 3. P. 241–258; Walsh A. Thought Experiments in Ethics // International Encyclopedia of Ethics. Vol. III. Hoboken, 2013. P. 5142–5144.

²² Macintyre A. What Morality Is Not // Philosophy. 1957. Vol. 32. No. 123. P. 335.

²³ О классификации мысленных экспериментов см.: Walsh A. Thought Experiments in Ethics. P. 5142–5144.

и «тикающая бомба», смысл которых заключается в постановке под вопрос абсолютности морального запрета на ложь, убийство и пытки. Такой эффект достигается благодаря тому, что, согласно условиям этих «контрпримеров», ответ на вопрос ограничивается альтернативой: либо допускается насилие по отношению к «невинной жертве», либо выражается согласие солгать, убить или пытаться «злодея».

Мысленный эксперимент-аргумент «невинная жертва» следует признать базовым по отношению к двум другим («ложь во спасение» и «тикающая бомба»). Ситуация «ложь во спасение» сконструирована так, что если «хозяин» открывает «злоумышленнику» место нахождения «друга», то этот «друг» оказывается в ситуации «невинной жертвы». Навязываемый вопрос этого мысленного эксперимента заключается в следующем: допустима ли ложь, чтобы предотвратить насилие в отношении «друга»? Пытки – разновидность насилия, поэтому сценарий «тикающая бомба» также возможен лишь как уточнение позиции человека, согласного отвечать на вопрос из сценария «невинная жертва» и готового в принципе применить насилие к воображаемому «злодею». Таким образом, опровержение мысленного эксперимента «невинная жертва» станет и опровержением двух других, как и иных, им подобных.

За мысленным экспериментом «невинная жертва» скрываются обычно непроговариваемые общие предпосылки и содержательные условия, навязывающие определенную картину мира и образ морали. Иными словами, *проговариваемое* согласие ответить на вопрос, выставляемый на передний план, ведет к *непроговариваемому* принятию ряда предпосылок и условий, скрывающихся на заднем плане. Человек поддерживает аргумент «невинная жертва» не тогда, когда он «выбирает» один из двух навязываемых ответов, а уже тогда, когда соглашается приступить к рассмотрению иллюзорного выбора, заданному скрытыми предпосылками и жесткими условиями. Так, отвечающий на вопрос из этого мысленного эксперимента обычно, сам того не ведая, проходит не одну, а четыре стадии: 1) признание обоснованности использования метода мысленного эксперимента в этике, 2) принятие предпосылок аргумента «невинная жертва», 3) согласие с его условиями и формулировкой, 4) ответ на «вопрос», в нем содержащийся. Рефлексия и дискуссия почти всегда начинаются на четвертой стадии, где они уже загнаны в узкие рамки и не имеют смысла, так как прохождение предыдущих стадий не обосновано: использование метода мысленного эксперимента в этике и его смысл спорны, а предпосылки и условия аргумента «невинная жертва» содержат неустраняемые и сущностные дефекты.

В этом параграфе были рассмотрены некоторые вопросы, связанные с использованием метода мысленного эксперимента в этике, а также обрисованы особенности мысленных экспериментов-аргументов «ложь во спасение», «невинная жертва» и «тикающая бомба». В следующем параграфе приводится анализ общих предпосылок аргумента «невинная жертва», а заключает мою статью параграф, содержащий критическое рассмотрение его условий.

Критика предпосылок аргумента «невинная жертва»

На первый взгляд может показаться, что мысленный эксперимент-аргумент «невинная жертва» исходит из предпосылки, что насилие – зло, с которым *должно* бороться; ведь именно насилие угрожает «невинной жертве».

Но на самом деле этот аргумент направлен не на переубеждение того, кто практикует насилие, не на критику насилия, а против принципа ненасилия и на переубеждение того, кто отказывает в моральной оправданности *любо-му* насилию. То есть мысленный эксперимент нацелен не на прекращение, а на увеличение насилия, так как осознанно или нет, но тот, кто его применяет, пытается привлечь и побудить к использованию насилия тех, кто не желает к нему прибегать. Вывод и практические приложения аргумента «невинная жертва» состоят не в отвержении насилия, а в его принятии и закреплении в индивидуальных, коллективных и институциональных практиках через градацию на некие «неоправданные» и «оправданные» формы. Эта градация задается апелляцией к познавательным способностям и утверждением возможности окончательной категоризации (в том числе и в рамках ситуационного анализа) людей на «хороших» («невинных жертв»), к которым насилие осуждается, и «плохих» («злодеев»), к которым оно не только допускается, но иногда и требуется.

Итак, важнейшая предпосылка аргумента «невинная жертва» – утверждение возможности познания, что есть «злодеяние» и кто есть «злодей». Но это крайне спорная гносеологическая предпосылка, из утверждения изолированного действия как злого (например, насилия), совершенно не следует, что допустимо свести к нему того или иного человека. С гносеологической предпосылкой тесно связана онтологическая, которая заключается в том, что зло может воплотиться в человеке, сведя его тем самым к «злодею». Но и это утверждение крайне сомнительно, так как подразумевает полное слияния зла и человека, а также определяет зло как объективное качество бытия. Но можно, например, понимать зло как небытие или признать невозможность достоверного рассуждения о зле в рамках онтологии. Очевидно, что человек способен совершать злые поступки, но он же способен каяться, творить добро, радикально меняться. Отождествление же человека и зла подразумевает отказ человеку в человечности, что, с одной стороны, логическое противоречие, а с другой – есть основа имморализма.

Из двух предыдущих предпосылок образуется негодный фундамент мысленного эксперимента-аргумента «невинная жертва», делающий обреченной всю конструкцию. Утверждение возможности окончательной категоризации реальных людей на «злодеев» и «невинных жертв» подчиняет моральный поступок способностям познания, вследствие чего моральный абсолютизм подменяется абсолютизмом гносеологическим. Признание существования зла в качестве бытийствующего с возможностью его воплощения в человеке ведет к абсолютизму онтологическому. Это выводит аргумент из области морали, если мы понимаем мораль как то, что содержит в себе свои основания.

Тот, кто применяет аргумент «невинная жертва», может заявить, что абсолютной познавательной достоверности в реальной ситуации не требуется, а следует довериться своему жизненному опыту, теории вероятности или интуиции. Но тогда такой человек *принципиально* отличает реальную ситуацию от представляемой в мысленном эксперименте, меняет ее модальность. В этом случае речь идет не о действительной (реальной) ситуации: «злодей хочет убить невинную жертву – оправдано ли (могли бы Вы) убить злодея, если это – единственный способ защитить жертву?», а о возможной: «возможно, некто, являющийся злодеем, возможно, хочет убить человека, являющегося, возможно, невинной жертвой; возможно, что этот некто не оставит

этот возможный замысел, и возможно, что он ему удастся; при этом возможно, что единственным способом остановить его возможное намерение является убийство, – оправдано ли его убить (убили ли бы Вы его), чтобы, возможно, этим защитить возможную жертву?». Таким образом, аргумент «невинная жертва» демонстрирует свой самоубийственный характер, так как если «злодей» может оказаться не «злодеем», а «невинной жертвой», то, согласно этому мысленному эксперименту, будет оправданным, если кто-то еще вмешается, стремясь защитить «невинного», принятого за «злодея», и убьет того, кто так фатально положился на теорию вероятности, интуицию или жизненный опыт. Тем самым, если следовать логике возможного, аргумент, якобы призванный остановить насилие, на самом деле запускает порочный круг разворачивающегося насилия.

Еще одна важная предпосылка аргумента «невинная жертва» заключается в крайне проблематичном соединении необходимости с моральной оправданностью. Это соединение обычно выражается в утверждении, что в ситуации необходимости якобы оправданы такие действия, которые при свободном выборе были бы морально недопустимыми. Действительно, человек может вообразить ситуации, где свободный выбор невозможен. Но служит ли это основанием для вывода, что возможен несвободный *моральный* выбор? Одна из проблем мысленного эксперимента «невинная жертва» и ему подобных в том, что они стремятся оправдать не только иллюзорный выбор, но и в целом ситуацию необходимости (иначе как из имморальной необходимости может последовать моральный выбор?). Происходит парадоксальная операция как бы по *обязыванию* морального субъекта дать санкцию на имморальное действие. Но это лишь подчеркивает изначальную враждебность этого аргумента морали. Ситуация-необходимость, в которой моральный выбор невозможен, то и означает, что на ней *невозможно и не должно* основывать моральный поступок. Вопрос для этической мысли заключается не в том, как действовать в гипотетической ситуации, в которой задано неизбежное насилие (что само по себе спорно, так как получается, что свободно задается несвободное), а в том, как препятствовать возникновению и распространению таких ситуаций. Один из ответов на этот вопрос состоит в критике мысленного эксперимента-аргумента «невинная жертва».

Предпосылка утверждения необходимости, которая якобы магическим образом превращает неоправданное действие в оправданное, связана с предпосылкой, согласно которой моральный субъект *обязан* принять и ему *запрещено* изменять выдаваемые за необходимые, а на самом деле *произвольные* условия эксперимента. Так, например, запрещается оспаривать неотвратимость акта насилия по отношению к «невинной жертве», а также вводить ненасильственные способы предотвращения насилия (отвлечение «злодея», замещение собою «жертвы» и т.п.). Но *произвольный и абсолютный* запрет на изменение условий этого мысленного эксперимента, с помощью которого пытаются опровергнуть *абсолютный* запрет на насилие, делает ответ лишь *вынужденной и условной* реакцией. Такое навязывание предполагает утверждение первичности искусственно заданных условий, делающих одно или другое убийство неминуемым, по отношению к моральному поступку, который состоит в исключении *любого* насилия. Тот же, кто настаивает на *необходимости* реакции-ответа на этот мысленный эксперимент, добавляет к утверждению гносеологического и онтологического абсолютизма абсолютизацию *произвольно задаваемых им условий*.

Абсолютизация этих условий предполагает господство воли «экспериментатора» над волей того, кто отвечает. Таким образом, аргумент «невинная жертва» содержит еще две крайне проблематичные предпосылки: 1) доминирование воли того, кто ставит вопрос, над тем, кто отвечает, 2) допустимость понуждения к ответу. Действительно, предполагается, что «экспериментатор» задает условия и ставит вопрос, который *хочет*, тогда как тот, перед кем этот вопрос ставится, *обязан* следовать заданным условиям. Эта конструкция ведет к принуждению в процессе общения, так как тот, кого спрашивают, либо отвечает, тем самым принимая все проблематичные и противоречивые предпосылки, включая его принуждение к ответу, либо отказывается отвечать и тем самым как будто признает слабость своей позиции перед якобы очевидной (при этом воображаемой) ситуацией. Поэтому к насилию ведут не только содержательные выводы и практические импликации мысленного эксперимента-аргумента «невинная жертва», но элемент насилия проявляется и при понуждении к ответу на вопрос. Хотя при попытках оправдания такого вопроса те, кто его ставит, апеллируют к необходимости, но на самом деле они не исходят из ситуации необходимости, а она *свободно* ими конструируется с целью принудить других людей отвечать и тем самым побудить их быть готовыми использовать насилие.

Критика условий аргумента «невинная жертва»

После анализа общих предпосылок дальнейшую критику мысленного эксперимента-аргумента «невинная жертва» следует направить на его условия, а именно на представление главных персонажей, отношений между ними, времени и выбора.

Об обезчеловечивании участников и отношениях между ними

В качестве элементов воображаемой ситуации выделяются фигуры активного участника («злодей»), пассивного участника («невинная жертва») и потенциального участника («третий участник»). При этом фигуры активного и пассивного участников вводятся с помощью крайне сомнительной семантической операции, при которой слово «злодейство» подменяется словом «злодей», а слово «страдание» – словосочетанием «невинная жертва». Через семантический подлог происходит отождествление безличного действия (насилия) с некоей пустотой, которую человек, принимающий аргумент «невинная жертва», наполняет определенными характеристиками, ставя в зависимости от конкретной ситуации, своих критериев, а часто просто симпатий и антипатий на место *воображаемого* «злодея» («злодеев») того или иного *живого* человека (группу людей). Этим мысленный эксперимент наделяется ужасающим *обезчеловечивающим* потенциалом и для того, кто следует его схеме, предлагается возможность взгляда на человека как недочеловека.

В аргументе «невинная жертва» отказывается в субъектности как «злодею», так и «невинной жертве», которые представлены как безличные механизмы. Так, «злодей» не способен остановиться и прекратить насилловать «невинную жертву», а последняя лишена права с самого начала или в последний момент отказаться от спасения, если для этого потребуется

убийство «злодея». Это указывает на еще одно противоречие рассматриваемого мысленного эксперимента. Так, если человек, задумывающий или применяющий насилие, ответственен за свои действия, то он способен в любой момент передумать или остановиться. Если же нет, то он за них не ответственен и действует в рамках той необходимости, которая, согласно предпосылкам аргумента «невинная жертва», якобы оправдывает насилие по отношению к нему, но при этом почему-то не оправдывает его «необходимое» насилие.

Если персонажи «злодей» и «невинная жертва» унижаются и обезчеловечиваются, то «третий участник», с которым идентифицирует себя тот, кто *принимает условия* мысленного эксперимента, неизменно возносится. Здесь важно сделать пояснение в свете уже сказанного выше про запрет на изменение условий, а именно: если *по отношению* к самому мысленному эксперименту и его неизменяемым условиям человек неизбежно морально унижается, соглашаясь с запретом на изменение навязываемых условий и «выбором» между двумя одинаково худшими вариантами ответа, то при *принятии и в рамках этих условий* он *имморально* возвеличивается, приобретает черты «сверхчеловека». Так, «третий участник» всеведущ (знает замыслы «злодея», состояние и пожелания «жертвы»), обладает сокрушительной силой (в сценарий не включается вероятность того, что «злодей» не пострадает), становится Богом-судьей, дарующим жизнь или приносящим смерть. Таким образом, через идентификацию с «третьим участником» человек поддается соблазну утвердить доминирование своего Эго над обезличенным Другим. Но заполняющее весь мысленный эксперимент Эго *не ответственно и не свободно* (обратное значило бы способность следовать абсолютному запрету «не убей»); оно *гордо, безответственно и произвольно*. Два других участника мысленного эксперимента находятся в полной власти этого Эго, которое, будучи слепым к Другому, назначает «злодея», которого осуждает и убивает, а также «невинную жертву», которой покровительствует и благоволит.

Так как Другой поглощается тотальностью Эго, то само распределение ролей в мысленном эксперименте подчинено тому человеку, кто его принимает и разыгрывает. Это напрямую связано с тем, что «третий участник», которому якобы доступна возможность выбора, изначально обладает убийственной силой. Но как это возможно без того, чтобы «третий участник» изначально не допускал убийство? И разве для этого не нужно было бы «третьему участнику» носить в себе образ «злодея», понимать его мысли и уже иметь схему аргумента «невинная жертва»? В этом заключается еще одна ловушка мысленного эксперимента, так как стороннику ненасилия предлагается стать элементом уравнения насилия, выведенного критиком ненасилия при попытке дать оправдание насилию. Уравнение насилия и его неоправданность остаются неизменными и тогда, когда в попытках найти оправдание насилию слова «насилие» и «убийство» подменяются, например, словами «пресечение», «принуждение», «заставление», «обезвреживание», «защита», «оборона», «ликвидация» и т.п.

На первый взгляд может показаться, что человека, который ставит себя на место «третьего участника», со «злодеем» ничего, кроме отвращения или негодования, не связывает. Но если внимательно присмотреться, то, согласно условиям мысленного эксперимента, оказывается, что «третий участник» имеет много общего со «злодеем», «злодей» имеют общее с «невинной

жертвой», а вот «невинная жертва» и «третий участник» не имеет общих характеристик. И именно способность к насилию сближает «злодея» и «третьего участника»; последний при этом, помимо свободы, обладает еще и большей убийственной силой, так как если «невинная жертва» беззащитна перед «злодеем», то «злодей» беззащитен перед «третьим участником».

Хотя выражение «невинная» далеко не всегда встречается при описании рассматриваемого мысленного эксперимента, но это свойство пассивного участника всегда подразумевается. Так, если бы речь шла о расправе с беззащитным «злодеем», например, со стороны родственников замученного им человека, то тот, кто допускает насилие, вероятно, не одобрил бы такого линчевания, но, наверное, не стал бы убивать родственников «невинной жертвы», чтобы спасти «злодея». Это показывает, что в мысленном эксперименте изначально содержится то, к чему он якобы приходит в качестве вывода. Для демонстрации этого подлога нужно только задать вопрос: что значит выражение «невинная»? Так, если исходить из принципа ненасилия, то это дополнительное обозначение излишне, так как насилие в принципе не может быть оправдано. Но в аргументе выражение «невинная» заменяет собой словосочетание «неоправданное насилие», а если есть «невинная жертва» и «неоправданное насилие», то *изначально* подразумевается возможность «виновной жертвы» и «оправданного насилия». По сути, «злодей» и есть «виновная жертва», которую, согласно условиям мысленного эксперимента, необходимо принести для защиты «невинной жертвы». Тогда вопрос аргумента «невинная жертва» на самом деле звучит: «оправдано ли для предотвращения “неоправданного убийства” совершить “оправданное убийство”»? Очевидно, что налицо скрытый до этого софизм, который не имеет морально оправданного ответа. По моему убеждению, в принципе невозможно говорить об «оправданном убийстве», точно так же как об «одобренном зле», не впадая при этом в нигилизм, с одной стороны, и в противоречие – с другой.

Помимо уже сказанного, в мысленном эксперименте-аргументе «невинная жертва» в качестве решения подсовывается то, что на самом деле и представляет проблему. Так, воображаемая ситуация со «злодеем», мучающим «невинную жертву», преподносится как встречающийся факт жизни, а насилие в отношении «злодея» – как возможное решение. Но факт жизни заключается как раз в том, что многие люди не возражают или прямо участвуют в насилии над теми, кого они считают «злодеями». Подсовываемое решение и есть трагедия жизни, а именно: распространенность в мире круговорота насилия, имеющего свой исток в категоризации людей на «злодеев» и «невинных жертв».

Об искажении времени

На первый взгляд в мысленном эксперименте со временем все в порядке: есть прошлое, в котором «злодей» замыслил злодейство, есть настоящее, где «третьему участнику» необходимо сделать выбор; намечается, но еще не окончательно определено будущее, в котором если «третий участник» будет бездействовать, то «злодей» расправится с «невинной жертвой», а в случае вмешательства «злодей» будет убит, а «жертва» спасена. Но это только на первый взгляд, так как на самом деле время в аргументе «невинная жертва» безвозвратно извращено.

Прошрое в своих существенных элементах исключено из мысленного эксперимента. Действительно, разве «злодей» не был когда-то невинным и беззащитным ребенком, который также мог подвергнуться нападению «злодея» (который также был ребенком...)? Что совратило «злодея» на этот путь? Какими были события, приведшие к описываемой ситуации? Эти важнейшие вопросы исключены из описания.

Казалось бы, последствия выбора относятся к будущему, но и это не так. Ведь будущее характеризует вариативность, где догадки и ожидания сплетаются с незнанием и неожиданными поворотами жизни. Будущее только тогда будущее, когда содержит в себе элемент неизведанного, выходящего за рамки знания. В аргументе «невинная жертва» будущее лишается этих черт и заменено алгоритмом с заранее предзаданным результатом. Это ясно и из того, что в жизни человек, убивший другого человека, никогда не узнает, действительно ли убитый осуществил бы то злое, что ему было приписано, либо он остановился бы как раз там, где его застал момент смерти... Человек, который убил другого человека, также никогда не узнает, не было ли иного варианта остановить злодейство, которое не нарушало бы запрет на насилие... Но такой груз неведомого, который висит всю жизнь на человеке, совершившем убийство, никак не обозначен в схеме мысленного эксперимента.

Без прошлого и будущего невозможно говорить о настоящем, поэтому перед нами обезличенная и оторванная от времени *схема*, а не событие жизни. Если под смертью понимать остановку или упразднение времени, то аргумент «невинная жертва» может быть назван смертоносным аргументом, в котором посредством безжизненной и обезличенной схемы предпринимается попытка оправдать прекращение времени для Другого, что и есть убийство.

Об отсутствии выбора

Итак, в мысленном эксперименте-аргументе «невинная жертва» искажено время, персонажи и отношения между ними. Это неизбежно ведет к тому, что в нем отсутствует выбор. Мысленный эксперимент сконструирован так, чтобы никакого варианта соблюдения запрета «не убей» не оставалось. Ни «злодей», ни «невинная жертва» не выступают как субъекты с их неповторимостью и неисчерпаемостью: «злодей» определяется через обезличенное злодейство (насилие) и сводится к нему, а «невинная жертва» – через обезличенную способность страдать от насилия. Поэтому в мысленном эксперименте вместо слов, обозначающих субъектов поступков, должны быть слова, обозначающие действия. Тогда вопрос мысленного эксперимента должен звучать не «злодей (насилие) хочет убить невинную жертву; если единственный способ ее защитить – убийство злодея, убили ли бы Вы злодея?», а «можно ли убийство (насилие) предотвратить убийством (насилием)?».

Как отмечалось выше, одной из предпосылок аргумента «невинная жертва» является *абсолютный* запрет на изменение сторонником ненасилия деталей сценария. Помимо прочего, с помощью такого запрета маскируется отсутствие в мысленном эксперименте морального выбора и связи с жизнью. Так, например, в воображаемой ситуации «третий участник» наделяется возможностью убить «злодея», и обычно с безопасностью для себя и «невинной жертвы». В этом скрывается манипулятивный психологический

прием, направленный на 1) преодоление естественного эффекта отвращения в том случае, если на место ружья будет подставлен, например, топор, 2) уверенность в безопасном достижении цели. Выбор убийства представляется в мысленном эксперименте чем-то простым, стерильным и не вовлекающим всего человека, всей его жизни, а также окружающих его людей. При конструкции мысленного эксперимента с топором, очевидно, уже далеко не каждый, сначала принявший аргумент, согласится даже вообразить себя в крови и мозгах «злодея», представить его конвульсии и ощущение теплой крови на руках. Точно так же сто раз подумает над ответом тот, кто был готов убить «злодея», но кому стало известно дополнительно, что у «злодея» есть друзья, которые пожелают отомстить обидчику, а возможно, и его близким. Крайне сомнительно, что согласившийся сначала следовать схеме мысленного эксперимента и «выбравший» убийство «злодея» не изменит свою позицию, если на месте «злодея» будет поставлена фигура его близкого родственника или друга. Иными словами, условия обезличенности, оторванности от жизни, запрета менять или дополнять определенные детали указывают на извращенный психологизм аргумента «невинная жертва», который неотделим от его сущности, его популярности и разрушительной силы.

Именно потому, что неповторимому человеку предлагается встать на место «третьего участника», такой человек становится властителем мысленного эксперимента и может рассудить его с позиции морального субъекта. Но не через *пассивное* принятие роли безвольной и несвободной куклы, не через согласие с неизменяемостью навязываемых условий, не через выбор одного или другого варианта убийства, а через моральный отказ принимать аргумент, ужаснувшись его бесчеловечному потенциалу, и через *активное* создание совершенно новой конфигурации ситуации, ответ на которую будет ненасильственным. Борьба со спиралью насилия требует отвержения аргумента «невинная жертва», а также признания ненасилия в качестве центра морального поступка и необходимого элемента настоящего выбора.

Заключение

Мысль, которая не готова следовать принципу ненасилия, спотыкается о проблему насилия. Попытки дать ответ на вопрос о насилии с помощью мысленного эксперимента-аргумента «невинная жертва» напоминают историю с гордиевым узлом, который было крайне сложно распутать, но Александр Македонский разрубил его мечом, тем самым поставив на место процедуры *кропотливого, но созидательного и обратимого* распутывания *мгновенное, но разрушительное и необратимое* разрубание. Так и с аргументом «невинная жертва», который не только не дает ответа на вопрос о насилии, но неверно его ставит, навязывая имморальную перспективу. Заложенное в мысленном эксперименте категорическое деление людей на «злодеев» и «невинных жертв» не предпосылка жизни, а проблема; убийство не моральное решение, а неспособность оставаться моральным; факты насилия не то, из чего приходится исходить, а то, что надо стремиться не допускать. Словом, мысленный эксперимент-аргумент «невинная жертва» не выводит человека из круга насилия, а, скорее, вводит в него, не столько ставит под вопрос имморальную необходимость, сколько стремится найти для нее моральное оправдание.

Список литературы

- Апресян Р.Г. О праве лгать // О праве лгать / Сост., ред. Р.Г. Апресян. М.: РОССПЭН, 2011. С. 10–24.
- Артёмьева О.В. Теоретические основания этики добродетели // Философия и этика. Сборник научных трудов к 70-летию академика А.А. Гусейнова / Под ред. Р.Г. Апресяна. М.: Альфа-М, 2009. С. 433–445.
- Гусейнов А.А. Красно поле рожью, а речь ложью // Новая Россия (Воскресенье). 1995. № 2. С. 132–135.
- Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия / Пер. с нем. Н. Вальденберг // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М.: ЧОРО, 1994. С. 256–262.
- Прокофьев А.В. Выбор в пользу меньшего зла и проблема границ морально допустимого // Этическая мысль. Вып. 9 / Под ред. А.А. Гусейнова. М.: ИФ РАН, 2009. С. 122–145.
- Прокофьев А.В. Моральный абсолютизм и доктрина двойного эффекта в контексте споров о допустимости применения силы // Этическая мысль. Вып. 14 / Под ред. А.А. Гусейнова. М.: ИФ РАН, 2014. С. 43–64.
- Троицкий К.Е. Лев Николаевич Толстой и непротивление злу насилеием: история и критика аргумента «невинная жертва» // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2020. Вып. 1 (33). С. 30–48.
- Brown J.R. Thought Experiments // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (2020 Edition) / Ed. by E.N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/thought-experiment> (дата обращения: 05.09.2020).
- Brown J.R. Why Thought Experiments Do Transcend Empiricism // Contemporary Debates in Philosophy of Science / Ed. by C. Hitchcock. Malden: Blackwell, 2004. P. 23–43.
- Elster J. How Outlandish Can Imaginary Cases Be? // Journal of Applied Philosophy. 2011. Vol. 28. No. 3. P. 241–258.
- Farrell M. The Prohibition of Torture in Exceptional Circumstances. Cambridge: Cambridge UP, 2013. 277 p.
- Häggqvist S. A Model for Thought Experiments // Canadian Journal of Philosophy. 2009. Vol. 39. No. 1. P. 55–76.
- Kagan S. Thinking about Cases // Social Philosophy and Policy. 2001. Vol. 18. No. 2. P. 44–63.
- Macintyre A. What Morality Is Not // Philosophy. 1957. Vol. 32. No. 123. P. 325–335.
- Muller J.M. Le Courage de la Non-violence. Gordes: le Relie, 2001. 245 p.
- Norton J.D. On Thought Experiments: Is There More to the Argument? // Philosophy of Science. 2004. Vol. 71. No. 5. P. 1139–1151.
- Souder L. What Are We to Think about Thought Experiments? // Argumentation. 2003. Vol. 17. P. 203–217.
- Walsh A. Thought Experiments in Ethics // International Encyclopedia of Ethics. Vol. III / Ed. by H. LaFollette. Hoboken: Blackwell, 2013. P. 5142–5144.

On the “innocent victim” thought experiment and the absolute moral prohibition of violence

Konstantin E. Troitskiy

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: konstantin.e.troitskiy@gmail.com

In the article, the author defends the principle of non-violence from attempts to destroy it by means of thought experiments-arguments. It is demonstrated that the “innocent victim argument” is basic to many other thought experiments against the absolute prohibition of violence. The experiment appeals to an imaginary situation in which one person cannot be protected from violence without using violence against another person. The application

of this construction as an argument implies, first, the recognition of the validity of the use of thought experiments in ethics; secondly, the acceptance of the premises of the thought experiment-argument “innocent victim”; third, the acceptance of the terms of the thought experiment-argument “innocent victim”; and only fourthly, an answer to the question contained in this thought experiment-argument. The author argues that the premises and terms of the thought experiment-argument “innocent victim” are clearly contradictory and arbitrary, which makes its entire construction untenable. The only adequate moral response to the thought experiment-argument “innocent victim” consists in rejecting the premises and terms of the question itself and not in answering it. This leads to the conclusion that the question of this argument is meaningless and immoral.

Keywords: thought experiments, morality, ethics, non-violence, ethics of non-violence, the principle of non-violence, the “innocent victim” argument, imaginary cases

For citation: Troitskiy, K.E. “O myslennom eksperimente-argumente ‘nevinnaya zhertva’ i absolyutnom moral’nom zaprete na nasilie” [On the “innocent victim” thought experiment and the absolute moral prohibition of violence], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2021, Vol. 14, No. 4, pp. 22–37. (In Russian)

References

- Apressyan, R.G. “O prave lgat’” [Towards the Right to Lie], *O prave lgat’* [Towards the Right to Lie], ed. by R.G. Apressyan. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011, pp. 10–24. (In Russian)
- Artemieva, O.V. “Teoreticheskie osnovaniya etiki dobrodeteli” [Theoretical Foundations of Virtue Ethics], *Filosofiya i etika. Sbornik nauchnykh trudov k 70-letiyu akademika A.A. Guseynova* [Philosophy and Ethics: Festschrift devoted to the 70th Anniversary of Professor Abdusalam Guseynov], ed. by R.G. Apressyan. Moscow: Alfa-M Publ., 2009, pp. 433–445. (In Russian)
- Brown, J.R. “Thought Experiments”, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (2020 Edition), ed. by E.N. Zalta [<https://plato.stanford.edu/entries/thought-experiment>, accessed on 05.09.2020].
- Brown, J.R. “Why Thought Experiments Do Transcend Empiricism”, *Contemporary Debates in Philosophy of Science*, ed. by C. Hitchcock. Malden: Blackwell, 2004, pp. 23–43.
- Elster, J. “How Outlandish Can Imaginary Cases Be?”, *Journal of Applied Philosophy*, 2011, Vol. 28, No. 3, pp. 241–258.
- Guseynov, A.A. “Krasno pole rozh’yu, a rech’ lozh’yu” [A boaster and a liar are cousins], *Novaya Rossiya (Voskresen’ye)*, 1995, No. 2, pp. 132–135. (In Russian)
- Farrell, M. *The Prohibition of Torture in Exceptional Circumstances*. Cambridge: Cambridge UP, 2013. 277 pp.
- Häggqvist, S. “A Model for Thought Experiments”, *Canadian Journal of Philosophy*, 2009, Vol. 39, No. 1, pp. 55–76.
- Kagan, S. “Thinking about Cases”, *Social Philosophy and Policy*, 2001, Vol. 18, No. 2, pp. 44–63.
- Kant, I. “O mnimom prave lgat’ iz chelovekolyubiya” [On a Supposed Right to Tell Lies from Benevolent Motives], trans. by N. Valdenberg, in: I. Kant, *Sobranie sochinenii* [Selected Works], Vol. 8. Moscow: CHORO Publ., 1994, pp. 256–262. (In Russian)
- Macintyre, A. “What Morality Is Not”, *Philosophy*, 1957, Vol. 32, No. 123, pp. 325–335.
- Muller, J.M. *Le Courage de la Non-violence*. Gordes: le Relie, 2001. 245 pp.
- Norton, J.D. “On Thought Experiments: Is There More to the Argument?”, *Philosophy of Science*, 2004, Vol. 71, No. 5, pp. 1139–1151.
- Prokofyev, A.V. “Vybor v pol’zu men’shego zla i problema granits moral’no dopustimogo” [Choosing the Lesser Evil and the Problem of Limits of Moral Permissibility], *Eticheskaya Mysl* [Ethical Thought], Issue 8, ed. by A.A. Guseynov. Moscow: IPh RAS Publ., 2009, pp. 122–145. (In Russian)
- Prokofyev, A.V. “Moral’nyi absolyutizm i doktrina dvojnogo effekta v kontekste sporov o dopustimosti primeneniya sily” [Moral Absolutism and the Doctrine of Double Effect in the

- Context of Debates about Moral Permissibility of the Use of Force], *Eticheskaya Mysl* [Ethical Thought], Issue 14, ed. by A.A. Guseynov. Moscow: IPh RAS Publ., 2014, pp. 43–64. (In Russian)
- Souder, L. “What Are We to Think about Thought Experiments?”, *Argumentation*, 2003, Vol. 17, pp. 203–217.
- Troitskiy, K.E. “Lev Nikolaevich Tolstoi i neprotivlenie zlu nasiliem: istoriya i kritika argumenta ‘nevinnaya zhertva’” [Leo Tolstoy and Non-Resistance to Evil by Violence: The History and Critique of the ‘Innocent Victim’ Argument], *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo* [Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University’s Bulletin of Humanities], 2020, Vol. 1, No. 33, pp. 30–48. (In Russian)
- Walsh, A. “Thought Experiments in Ethics”, *International Encyclopedia of Ethics*, Vol. III, ed. by H. LaFollette. Hoboken: Blackwell, 2013, pp. 5142–5144.